

История одной болезни

Ольга Коротина

18+

Ольга Викторовна Коротина

История одной болезни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70604422

SelfPub; 2024

Аннотация

В произведении показывается психологическая сторона принятия больного ребенка, и важность поддержки и психологической помощи юным мамам, которые попали в сложную ситуацию и не находят правильного выхода.

Ольга Коротина

История одной болезни

S. R.

Надо заметить, что я психиатр, психотерапевт.

В один из четвергов, как обычно, пришёл в клинику и пригласил пациентку на личную терапию, она начала рассказывать, как выполняла моё задание, и в эту же минуту я опять оказался там, в глубине воображения пациентки.

Так уже было однажды, но я расценил это как результат напряжённого ночного дежурства.

Усталость, отсутствие сна иногда даёт такие эффекты... и не придавал этому значения...

Я был внутри чужого воображения, как в 4D.

С того дня некоторые рассказы пациентов стали и моей реальностью.

Пациенты рассказывали, а я вне своего желания переживал всё, что с ними происходило.

Сначала я был слегка обескуражен, растерян, это состояние было похоже на психические нарушения, но периоды погружения никак не деформировали меня, не изменили мою личность, я в полном порядке...

Помимо моей воли я погружался в сознание другого человека, как будто смотрел фильм.

Это длится уже три месяца...

Я ортодоксальный реалист... а тут мистика просто... Я не мог найти объяснений, меня это держало в напряжении.

Хмм...

Хотя практика, конечно, интересная. Не только пациенты, но и рассказы других людей могли вызвать у меня эту визуализацию.

Но не все их повествования я мог увидеть, как будто моё сознание само выбирает, когда и чей достать этот диск с фильмом чужой жизни.

В какой-то момент я понял, что даже могу изменить ход мыслей пациентов. Потому что находился внутри их сознания.

Пока не могу дифференцировать, что это... Мне так-то
43.

– Эмммм... Поздновато для дебюта.

– Ахха... Нет, это не шизофрения, надеюсь... Синестезия, деперсонализация? Слишком ярко для неё...

Это другое.

Это как насильственное вторжение в моё воображение.

Нет... нет... Не то... Не пойму... Пока не пойму...

Так, надо вспоминать, надо вспоминать, когда это началось...

Кто был у меня на приёме, когда я увидел сначала картин-
ки, как вспышки, а потом погрузился в чужое воображение?

Это была Клара...

Я тысячу раз уже задавал себе этот вопрос, тысячу раз...
После какой фразы я вошёл туда?

Я провёл групповую психотерапию... Дал задание на ви-
зуализацию, которым я пользовался за свою практику неод-
нократно.

Она начала говорить...

И всё.

Началось...

Я пошёл в повествовании за ней...

Да... Это было после группы...

И именно с ней...

В этой психотерапевтической группе было 10 человек,
все пациентки с тревожным расстройством, с одним диагно-
зом... Надо перечитать историю болезни Клары... Может
быть, я смогу найти ответы там?

Что за глупость...

Какие я там могу найти ответы...

Надо найти варианты, как виртуозно обойти сознание. От-
вет должен быть.

АНИТА

АНИТА: Марк Генрихович? Можно?

МАРК: Да, добрый день, Анита. Взгляд у вас сегодня спокойный.

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Я сказал эту фразу умышленно, чтобы она подтвердила свои усилия казаться спокойной.

Её взгляд был холодным, тревожным и наигранно учтивым. Не надо, чтобы она догадалась, что я заметил это.

АНИТА: Первую ночь спала, уснула очень быстро. Даже странно.

МАРК: Это хорошие изменения?

АНИТА: Да, мне спокойнее.

Особенно после вашего последнего задания.

Я как будто освободилась от чего-то тревожного и беспокойного.

Знаете, как соринка в глазу, видно всё, но очень неприятно.

Постоянно хочется избавиться от неё.

И вот эта соринка как будто вышла...

Когда мне на выписку? У меня важное дело.

Я в порядке уже.

Когда на выписку?

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

МАРК: Я отметил, что тревога её усилилась... Просьбы о выписке говорили о том же.

МАРК (отвлечённо и с юмором): Со слезой? Соринка вышла со слезой, или вы сами её извлекли?

АНИТА: Эмм... Да, именно так мне и чувствовалось, что со слезой.

Можно я вам прочитаю, что я написала по вашему заданию?

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

МАРК: Что-то опять в её поведении было неуловимое, похожее на детский страх, что вот родители сейчас узнают о чём-то важном и наказание будет неминуемым! Вегетативные изменения показывали на сильное волнение.

Розовые пятна покрыли шею, лицо...

Она сильно сжала блокнот, в котором было написано моё задание.

Я вдруг тоже ощутил напряжение, но постарался спрятать это состояние, благо я знаю такие техники. Хмм... Может быть, не будет этих погружений в чужое воображение?.. Она начнёт сейчас зачитывать...

АНИТА: Доктор, я зачитываю?

МАРК: Да, конечно, я слушаю, я готов.

АНИТА: Я лежу на берегу моря на белом лежаке под большим светлым зонтом, рядом муж, около шезлонга...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

МАРК (интонация утверждения, спокойный тон). ОКОЛО шезлонга ДЕТСКИЙ КРУГ – я был уже погружён в её повествование, я был сейчас на этом пляже, подошёл к кругу, приподнял его, дааа... Он никогда не был в воде, даже этикетка бумажная была нетронутой, отметил я.

АНИТА: На мне белое бикини и красивая шляпа.

Вокруг много людей, приятная атмосфера, солнце, лазурное море, белый песок.

Я встаю и иду, появляется белый домик, старенький, но светлый, с голубыми ставнями.

Вокруг много деревьев, старых, мощных и молодых, разнотравье.

Дверь в дом легко открывается, и весёлый паучок на двери как будто приподнимает свою паутину, приглашая меня в дом.

В доме вижу большой стол, коричневый, давно не скоблённый.

Дом мне приятен. Ощущение, что меня ждали.

На столе лежит альбом затёртого пудрового цвета.

Первое фото – я в детстве, весёлая, на самокате, смеющаяся.

Дальше детство и подростковые фото пролистываю, не очень хочу смотреть.

И вот следующие фото: я с мужем... без него... на фоне приятных мне вещей, в путешествиях, дома и т. д. (Голос её стал выше и раздражённое.)

Я понимаю, что хочу помнить светлые моменты детства, их не много, а дальше – просто принятие... да так было... (Пауза. Темп речи немного убыстряется. Волнение.) Но это моя жизнь и только в моих силах. Её изменить к лучшему, и радость от того, что я ушла от родительской семьи, и у меня есть своя семья, которую я люблю... любила... хотела любить...

Альбом заканчивается фотографией, где я на пляже в белом шезлонге, и как будто это не завершение, а многоточие, и много пустых страниц для будущего...

Доктор? Что это означает? Почему вы не реагируете на мой рассказ?

МАРК: Ничего не изменилось...

Ничего не изменилось... Я опять погружён в воображение пациентки.

Я слышал, как она спросила, почему я не реагирую, но

пока я был ещё там, в её воображении, на пляже, возле спасательного круга... Смотрел этот альбом пудрового цвета... Самокат...

Всё видел и ощущал, чувствовал запах моря и ветра.

Состояние похоже на сонный паралич.

Надо вернуться... Марк! Надо возвращаться!

Напряжение меня не покидало, давление повысилось во время рассказа Аниты, но я отмечал постепенное его снижение, ритм сердца выравнивался... Всё... Пфффф... я в кабинете. ОКОЛО шезлонга Я ВИДЕЛ ДЕТСКИЙ СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ, но он был абсолютно чистым и без признаков использования...

Я видел. Я его держал в руках...

Где ваш ребёнок?

Почему вы никогда не говорили о том, что у вас ребёнок? – спросил я у Аниты (холодный, отстранённый тон).

АНИТА: Откуда вы знаете? (Удивлённый тон.)

Вы общались с моим мужем? (Голос громче, безысходность в интонации.)

Он вам всё рассказал? (Речитативом.)

Он же обещал, обещал молчать!! (Шёпотом.)

Пауза.

Зачем он это сделал? (Громким голосом, со страхом и отчаянием.)

Почему он вам всё рассказал? (Криком.)

МАРК: Я не общался с вашим мужем. (Выделить «Я» утвердительным тоном.)

Вы сейчас хотели сказали о том, что около шезлонга был детский круг, но промолчали... В своём рассказе вы хотели мне сказать, что лежал детский круг... Значит, он предназначался для ребёнка?

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Мне было не очень хорошо, но сознание было абсолютно ясным, и я уже знал ответ.

Я услышал его еще на пляже.

ЗЛОЙ И ГРОМКИЙ ГОЛОС МУЖА АНИТЫ: «Зачем ты таскаешь за собой этот круг, твоему уроду он не понадобится... Я запретил его показывать тебе... Его не привезут, можешь не ждать...»

МАРК: Вы не общаетесь с ребёнком?

Это было причиной ваших суицидальных попыток?

Стресс, который вы пережили был из-за этих событий?

Почему вы скрывали эту историю?

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Я вернулся к нормальному состоянию и хотел подтвердить свою гипотезу, которая мне казалась верной, по поводу возникновения тревожного расстройства у этой пациентки. Она умалчивала какое-то событие, прятала его, что и давало ей такое состояние.

Я взял её за руку, и спросил очень громко, склонившись к её уху:

– Кто вам сказал: «Твоему уроду круг не понадобится»?

Анита замерла, сжала ладони, покачала головой, заплакала и стала говорить.

АНИТА: Мой отец ударил меня, когда я была беременна, случайно... Когда я зашла в комнату... он доставал книги с верхних полок, обернулся посмотреть на меня и упал с бытовой лестницы, случайно ударив меня в живот локтем. Тогда всё обошлось, но ребёнок родился больным... Мальчик.

Может быть это и не из-за этого удара... Но я всё равно виню его... Отца. Во всём, что потом произошло... после этого случайного удара...

Муж через год после рождения ребёнка ушёл от меня, отказался от сына. Стыдился его. Я сходила с ума без мужа, я его очень любила, не могла без него жить. Когда он ушёл, я

впервые почувствовала тяжесть жизни.

Я страдала таким неистовым горем, что мне самой иногда было страшно за своё состояние. Я никогда раньше не знала, что люди могут так страдать...

Мне казалось, что я готова на всё, только бы он вернулся.

Я – была – готова – заплатить – любую – цену...

Помню, когда сыну исполнилось два года и он давал уже мне явные знаки глазами, оживлением, что любит меня и радуется нашему общению, я ещё имела надежду, что я смогу его вылечить, хоть немного...

Тогда я и купила этот детский круг для плавания... Знаете, адаптационное плавание... Чтобы мне легче было с ним быть в воде, в море или реке, озере, бассейне – неважно.

Я хотела, чтобы он ощутил своим тельцем блаженство нахождения в воде... Ммммм... (С сожалением.) Но так и ни разу я не могла его использовать...

МАРК: Что помешало вам? Почему вы не плавали с сыном?

АНИТА: Разве он не рассказал вам, где ребёнок? Муж?

МАРК: Я не общался с вашим мужем!

АНИТА: Это невозможно, вы лжёте мне. Зачем вы лжёте? Это часть терапии? Лгать? Я скрывала от вас, что у меня есть ребёнок, вы нарушаете контракт, вам нельзя общаться с моими родственниками! Вы не могли этого знать, и вам никто, кроме него, не мог это сказать!

Зачем вы лжёте?

(Пауза. Речь с накалом, с отчаянием.)

Да! Да! Он позвонил именно в тот день, когда я купила этот круг и сказал, что вернётся ко мне, что он скучает и что всё будет по-прежнему... Если не будет этого ребёнка.

Я купила круг...

И именно в этот день он позвонил...

Когда я всё больше укреплялась в намерении лечить ребёнка.

Анита резко перешла на крик.

– Вы лжёте, вы лжёте!

И так же быстро успокоилась, как будто истощилась эмоциями...

МАРК: Я же думал в этот момент о том, как объяснить ей, где и как я мог узнать эту информацию, если она продолжит спрашивать меня об этом...

Скажу, что просто внимательно слушал её задание...

Я знал, что найду объяснение в любом варианте развития событий.

– Анита? Кто произнёс: «Зачем ты таскаешь за собой этот круг, твоему уроду он не понадобится... Я запретил его показывать тебе... Его не привезут, можешь не ждать»? Муж? Анита?

Анита, замолчала, обхватила голову руками, впилась

пальцами в волосы, опустила голову и произнесла с интонацией безысходности, стыда и облегчения:

– Да, это он произнёс (обречённо). И только ОН, только ОН вам мог сказать эту фразу.

(Чеканя слова.) ОН мне сказал эту фразу слово в слово... Откуда вы могли знать её? Слово в слово? (Саркастический тон.) А вы лжец, доктор. Но я скажу вам... Тем более вы знаете, да, да, да! Я дала согласие отдать ребёнка в интернат ради того, чтобы он вернулся. Мой любимый, смысл всей моей жизни, мой муж! И он вернулся!! И я была счастлива... что я с ним и что нет этого уродца рядом.

МАРК (голос за кадром). Она говорила так, как будто убеждала себя в искренности своих слов.

АНИТА: Я готова была отказаться от всех, от родителей, от ребёнка, лишь бы он вернулся ко мне... И чтобы не было этого напоминания о самых страшных днях моей жизни, это рождённое мной существо разлучило меня с мужем, я возненавидела этого ребёнка... Как же я была счастлива, когда освободилась, что мы наконец вместе и свободны. И мы можем заниматься сексом много, не думая о том, что сын будет орать в голос... что он обгадится... обмочится в постель... Эта вонь была на весь дом... Мне казалось, что он страшно вонял... Я была пропитана запахом кала, мочи и смерти...

(Голос Аниты резко стал холодным.)

Это так раздражало...

Муж поставил мне ультиматум, он может вернуться, если не будет этого ребёнка в доме. Он сказал, что скучает без меня.

Понимаете? Муж мне был дороже всего, дороже ребёнка, ценнее жизни!

Если-не-бу-де-т-это-го-ребёнка в доме он вернётся, а с ним вернётся и моя жизнь...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ

Анита ждала осуждения, её лицо отображало эмоции страха, ожидания, осуждения, поэтому она нападала. Что вы опять молчите?

МАРК (голос за кадром): Я не перебивал Аниту, я видел как она буквально выдирает из меня негативные эмоции, она ждала осуждения, презрения, отчуждённости, тех реакций, к которым она уже привыкла, там, в детском интернате для инвалидов, когда на неё осуждающе смотрел персонал, она комфортно себя чувствовала, когда осуждали её, расценивала это как неизбежное наказание, за то, что отказалась от сына.

Когда получала это наказание, ей было легче и спокойнее... После наказания очень хочется, чтобы пожалели.

Я предполагал, что надо ей сказать.

Я попытаюсь сделать её жизнь легче, напишу ей новый сценарий её жизни.

Я? Сделаю – это? (Ошарашенно.) Но ведь она... она... мечтала о любви... (Спокойный тон.) Анита, я понимаю о чём вы говорите.

АНИТА: Вы? (С усмешкой.) Понимаете? Успешный и известный психотерапевт без проблем в жизни понимает, о чём я говорю? Вы осуждаете меня и делаете вид, что понимаете. Работа такая у вас, всех понимать.

МАРК: Это тяжело – иметь такого ребёнка. Я представил ваш день. И вашу ночь. Ваши смятения и состояния... Вам 25 лет?

АНИТА: Да, мне 25. А я уже была... Внутри горя, в самом его ядре. Которое взрывалось внутри меня каждую секунду!

МАРК: Ей всего лишь 25 лет, – подумал я, – всего лишь 25...

Я вас понимаю.

И у меня нет повода вас осуждать... Не осуждаю.

Я перейду на ты?

Анита кивнула, соглашаясь

МАРК: Ты же не сделала ничего дурного, понимаешь? – продолжил я. – Ты винишь себя в том, что природа дала сбой, и ты произвела на свет тяжелобольного ребёнка, без надежды на выздоровление, без надежды даже на малейшее улучшение, ребёнка, который в момент своего рождения перечеркнул всю твою жизнь. Ребёнок же рождается для радости?..

Ты помнишь, тот ужас, который ты пережила, впервые взглянув на него?

Ты помнишь?

Расскажи мне об этом, вернись в родзал...

Схватки... боль... ожидание, чтобы скорее всё закончилось. Схватки... боль... ожидание... продолжай говорить... Ну!

В эту минуту мне показалось, что на меня накинули плотную ткань... Я оказался в родзале... Та же симптоматика... что у роженицы... давление...

Учащённое дыхание... Схваткообразные боли внизу живота...

АНИТА (продолжает): Схватки, никого нет...

Я одна лежу на столе...

Врача нет... Ушёл, сказав мне: «Готовься... Всё нормально... Матка должна ещё раскрыться...» И ушёл...

Ужас охватил меня... Мне стало так страшно, тогда впер-

вые я испытала этот приступ... Как будто стекло в голове разбилось...

Я стала пытаться сползти с этого стола в родзале... Но не получалось... Опять схватка... Боль... Воды уже отошли...

Она замолчала, пятна покрыли всё её лицо,

МАРК (тихо):

– Продолжай, Анита, что ты видишь дальше, говори, я был рядом с ней в родзале... Я всё чувствовал...

Я был там... Я внезапно ощутил себя этим ребёнком внутри её плодного пузыря, я стал задыхаться, мне хотелось вырваться... Мне было больно и тесно, и ужас охватывал меня... Клара!!

АНИТА (продолжает):

Во время схваток я думала о муже, о том, кто родится, мы не хотели до рождения знать пол ребёнка...

Я представляла, как муж ждёт меня с цветами и с новорождённым, он так нас любит... (С сомнением.) Это давало мне силы, мне было всего 19 лет... Всего 19 лет...

Я купила заранее своему малышу всё, что ему нужно.

Красивые и уютные детские вещи, кроватку... коляску... Мы так ждали этого малыша...

Муж говорил, что ребёнок будет нашей гордостью, бу-

дет учиться у лучших педагогов, заниматься живописью, как мы... Он тоже художник.

Схватка. (Шёпотом.)

Я уже рожаю, кричу в голос, сильно кричу...

МАРК: АААААААААААААААА!

АНИТА: АААААААААААААААА!

Я чувствовала, как рождается мой ребёнок...

Как он ПОКИДАЕТ меня... и входит в этот мир... не плачет... почему не плачет?..

МАРК (с потрясением в голосе). Я же хотел этого, я должен закричать, я должен жить!! Мама... Мама...

Слышу громкий возглас акушерки:

«Боже... Какой ужас... Что это?»

Слышу плач... свой плач... Слезы по моим щекам... Вот они...

АНИТА: Мне не показывают ребёнка, лишь сказали – мальчик...

Анита начинает глубоко дышать, закрыла глаза и замолчала... Продолжая глубоко и прерывисто дышать.

МАРК: Я тоже глубоко и прерывисто дышал, как она, но сумел произнести:

– Анита, дальше, что было дальше?

– Я помню эту тишину, – сказала она. – Мне поднесли ребёнка... с челюстно-лицевой деформацией, с детским церебральным параличом, его лицо было настолько уродливым, что я закричала и закрыла глаза, мне казалось, что это сновидение, это не в реальности... Больше я не помню... Я проснулась в палате, подошёл врач и предложил отказаться от ребёнка... Дал мне время подумать, сказал, что рождённый мною ребёнок с генетическими уродствами.

Он обречён.

И, скорее всего, не подлежит лечению.

И что мне его принесут на кормление...

Совсем скоро... если я решусь...

(Она замолчала...)

МАРК: Я открыл глаза, я был опять в кабинете.

В своём любимом кресле, напротив сидела Анита, она молчала.

Я уже знал, что она будет кормить новорожденного и заберёт его домой.

Что у неё случится послеродовая депрессия и что муж оставит её...

– Анита, – спросил я, говоря себе. Вот он, мой якорь! – Врач сказал «СКОРЕЕ ВСЕГО не подлежит лечению?» То есть шанс был? – мне было достаточно этой фразы, чтобы чуть позже начать вселять в неё сомнения... – Скажи, как же я могу осуждать тебя?

Ты поступила так, потому что отдавать свою жизнь человеческому существу, которое ты возненавидела всем своим МАТЕРИНСКИМ сердцем, невозможно... тяжёлого инвалида... брр... Ты была сама ещё ребёнком... Твоя психика была без ресурсов! Ты понимаешь? Что ему же всё равно, где лежать и мочиться под себя, ведь правда?

Анита, это так?

Ты же осознаёшь это?

Даже врачи тебе сказали об этом.

АНИТА: Да, ему всё равно... ему всё равно...

МАРК: А твоя жизнь – превращалась в ад. (Утвердительно.)

АНИТА: Да, моя жизнь была адом.

МАРК: Ты не любила этого ребёнка, – утвердительно и опустошённо сказал я...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ: Марк о своих мыслях: «Мама...

Так ты уже тогда не любила меня, мама?...»

АНИТА (растерянно): Нет, не любила... Он омерзительен... Не знаю... Я думаю о нём... Нне любила...

МАРК: Он напоминал тебе о твоей ущербности, о том, что ты не смогла родить здорового малыша?

И тебе хотелось забыть всё. Я знаю, это так.

Ты уже понимала, что остаёшься одна и без любимого мужчины? С этим уродцем? И твоя жизнь исчезла, хотя именно это и была твоя жизнь... Ты была не готова... И ты даже желала смерти этому ребёнку.

Скажи, так?

АНИТА: Он кричал или стонал, – тихим голосом говорила Анита, – почти круглосуточно... Когда муж хотел моей любви и прикасался ко мне, он в это же время начинал мычать... Только когда засыпал... было тише... Бесценные часы тишины...

У нас не было больше сексуальных отношений с мужем... Я уже не могла ухаживать за сыном... Мне было противно до рвотного рефлекса...

Он украл мою любовь и жизнь... Я лежала и смотрела в потолок, у меня не было сил...

Я думала только о том, что так будет до тех пор, пока он не умрёт... и тогда я стану свободна... Я стала реже менять

ему памперсы... Он вонял... А я умирала сама.

Родители ссылались на свои болезни, возраст. Я поздний ребёнок... И были не рядом, а я умирала одна... с этим проклятьем... Я умирала... и жаждала смерти этого...

МАРК: Скажи, вышла из роддома с ребёнком, что ты чувствовала тогда? Как тебя встретил муж?

АНИТА: Муж... встретил... Сказал мне: «Моя жена – мать уродов... Осталось продать его в цирк и родить новых уродов, как в романе...»

Он ушёл через месяц. Видимо, для него это было очень тяжёлым переживанием...

Он не справился... и он ушёл... а мне некуда уходить... Я осталась одна... с Лёвушкой... – она впервые шёпотом назвала ребёнка по имени.

(Громкий голос.)

– С этим уродом... – обречённо сказала Анита.

МАРК: Я взял небольшую паузу.

Она назвала ребёнка по имени.

Чувство вины? Чувство вины...

Ох... Это великое чувство вины...

– Ребёнок был причиной твоего конца жизни. Ну как же ты могла любить его? – продолжил я уверенным жёстким тоном, как бы убеждая её и себя в этом. (Зачем я так настойчи-

во это делаю? Зачем?) И поэтому мысль об интернате, предложенная твоим мужем, спасла тебя от мыслей избавиться от этого ребёнка. Ты не стала детоубийцей. Ты это осознаёшь? Предложение мужа, возможно, спасло тебя от преступления.

АНИТА (шёпотом): Я хотела «заспать» его... И это стало моим кошмаром... Вот тогда я хотела оставить эту жизнь... Моё желание было очень сильным.

МАРК: Я не стал заострять внимание на этой фразе, у меня был план... Я шёл к нему... я ещё не осознавал, почему я это делаю, но я уже не мог менять тактику.

– Ультиматум твоего мужа был спасением!

Потому что всё, что случилось, было несправедливо по отношению к твоим ожиданиям жизни, любви... ЗАЧЕМ-то Я ТЕБЕ НУЖЕН, мама? Меня не надо, а я есть? МАМА?!

(Пауза.)

– Ты поступила так, как поступила, это нормально. Это нормально!

Я убеждён, что такие тяжёлые инвалиды должны быть в интернатах!

С круглосуточным уходом и наблюдением!

Ты правильно поступила!

А твой нетронутый детский круг – это некий символ, который напоминает тебе не о ребёнке... неет... неееетт... еттттт...

А о том, что ты хотела быть заботливой матерью. (С усилением в голосе.) И ты готова была... ею быть... для нормального, здорового ребёнка. А для больного – нет! Не смогла... Силы кончились... Он был обременением твоей жизни... Вором твоего счастья... – опустошённо сказал я. – Так бывает... Когда заканчивается ресурс, дальше идти невозможно. Нет дороги... пропасть... воронка...

АНИТА: Заканчивается ресурс?.. А он был... Я не думала об этом... Я не чувствовала его... (Равнодушный тон.)

МАРК (как бы говоря самому себе): Этот круг – как знак твоего решения в пользу мужа... мужа... который лишил тебя сострадания, он сделал тебя такой своим отторжением... И дал тебе чувство вины... перед ним, перед собой, перед Лёвушкой, что ты не оправдала его надежд... что ты неполноценная... и что теперь его беззаботная жизнь тоже может закончиться... (Пауза.) Скажи, а где этот круг сейчас?

АНИТА (холодно): В саду, – ответила Анита, – под яблоней... Он стал грязным, и мыши грызли его...

МАРК: Я опять увидел то, что и она видела сейчас: как ребёнка, а не круг, грызут мыши... Тайные желания обнаруживают себя незаметно...

«Ох, это чувство вины... Как оно меняет наше поведе-

ние», – подумал я.

– Понимаю тебя, я убеждён, что ты права в своём выборе. Анита, не осуждаю тебя... Нет поводов для осуждения... Ты сделала правильный выбор... Твой сын ничего не чувствует и ничего не понимает... Ни-че-го...

Если бы ты приняла решение оставить этого ребёнка рядом, ты лишила бы жизни себя...

Амбивалентность и автоматизм моих мыслей истощали меня... Мама... мама... Меня не надо... а я есть. **МЕНЯ НЕ НАДО ТЕБЕ, А Я ЕСТЬ!**

АНИТА (осторожно): Почему вы знаете, что мой сын ничего не чувствует? Почему вы меня поддерживаете?

МАРК: Я продолжал, не замечая её вопроса.

– Как ты думаешь, лишит материнской заботы нежизнеспособный организм, амёбу или убить свою жизнь, здоровой молодой женщины, сексуальной, жаждущей любви? Жизнь своих родителей, жизнь молодого мужчины, твоего любимого мужа, которые тоже вовлечены в эту историю? Твою жизнь, жизнь молодой женщины, открытой любви и миру, способной принести пользу очень многим, к чему эти жертвы?

Марк нервно захохотал и закрыл лицо ладонями...

Ты же художник? Сколько нет твоего сына рядом? Сколько лет? Ты его видишь? Скажи, Тебе хочется его увидеть?

АНИТА: 4 года, – произнесла холодно Анита на выдохе. – Я не видела его...

Я положил перед ней лист бумаги и графит.

– Нарисуй его, какой он...

Анита закрыла рот рукой, остановила взгляд на листе бумаги, взяла графит.

И обречённо посмотрела на меня.

АНИТА: Лёвушке уже 6 лет... Я не видела его с 2 лет... Я не могу его нарисовать, я не знаю, как он выглядит... Я не могу его нарисовать... Я не могу его нарисовать, – будто эхом в её душе отозвалось. – Я не могу его нарисовать... Он урод... Я не хочу его рисовать...

Можно мне на выписку?!

Мне нужно покинуть клинику!

Выпишите меня сегодня, я убегу отсюда сама...

Выпишите меня! У меня важное дело!

Я твёрдо сказал:

– Нарисуй его.

Представь его лицо.

Ты же художник. Визуализируй!

Она застыла на мгновение, потом вновь взяла графит, погладила бумагу ладонями и начала рисовать... Худенького, болезненного, с лицевым уродством... Но глаза! Я видел этого ребёнка, я его видел там, в родзале, у мальчика был полноценным один глаз, а она нарисовала два здоровых глаза!

Ах, какие она нарисовала глаза! Они смотрели с этого портрета с таким пронзительным отчаянием, смирением, болью... Было полное ощущение, что эти детские глаза, наполненные смирением и душевной болью впились взглядом в меня...

Глаза, нарисованные матерью, которая отказалась от своего ребёнка, были живыми... Она рисовала, закусив нижнюю губу так сильно, что постанывала от боли, но продолжала рисовать, портрет дорисовывался и превращался в фигуру, фигура превращалась в ребёнка...

Она вырисовывала его с такой тщательностью, что каждый штрих становился безупречным...

Ах, как я люблю, когда всё безупречно... Даже страдания должны быть в человеке совершенными...

Она закончила рисунок.

Поднесла его к губам и поцеловала.

– Прости меня, – прошептала она.

Мне захотелось послушать Баха, немедленно, у меня был такой голод по этой музыке.

Я включил хорошо темперированный клавир, фортепианную версию... (ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТ ЗВУЧАТЬ ХТК.)

Мы сидели с Анитой напротив друг друга, и кабинет заполняла эта мистическая музыка...

Я сделал музыку тише и опять что-то говорил, говорил...

Но образ ребёнка, его глаза... Были передо мной, навязчиво были передо мной. Я ощущал на себе этот взгляд беззащитного человеческого существа. И не мог избавиться от этого реального взгляда. Я чувствовал его... Что-то происходило в моём сердце...

Я не осуждал Аниту, я старался понять её состояние и этот поступок. Я не моралист, моя задача – помочь, помочь ей жить дальше... По её сценарию жизни с моим дизайном, с её решением жизни. И принять сейчас те обстоятельства, в которых она находилась. Главное, чтобы она смогла ухватиться за этот спасательный круг, который она принесла и оставила возле лежака как символ веры в божественное предназначение. Круг, который может спасти её собственную жизнь и Душу. Воспользуется ли она этим шансом жертвенности или предпочтёт освободиться от воспоминаний?

Облегчить её хроническую душевную боль, облегчить...

И чтобы у неё оставалось ощущение, что её ждали и ждут... в том доме... где пудрового цвета семейный альбом... который она запечатлела в своей памяти и воспроизвела, выполняя моё задание.

Может, это был именно тот, казённый дом, где был её Лёвушка...

И что впереди ещё много пустых страниц... где не будет ответов... и воспоминаний не будет... (Интонация актёра – как будто сам себя убеждает в этом.)

МАРК: Анита, – сказал я, – потрясающий рисунок.

Анита молча, не прикасаясь к рисунку, гладила волосы своего сына, лицо, еле шевеля губами, что-то говорила ему про себя, иногда улыбалась.

Она пристально посмотрела на меня, изучая мою мимику, движение глаз, и, как мне показалось, она возненавидела меня и одновременно впервые услышала сказанные для неё слова, только для неё.

– Доктор, – совершенно спокойно сказала Анита, – я не смогу быть счастливой. Никогда. Я никогда, до конца своих дней не смогу быть счастливой, понимаете?

Даже если весь мир меня будет поддерживать и говорить мне, что так надо поступить ради спасения своей жизни, я навсегда осталась там... Я предпочла секс, жизнь, радость. Я

предпочла труса, своего мужа, а не уродливого и безнадёжно больного сына... И мне не выбраться... Я предпочла секс! СЕКС!

Можно я пойду... (Истеричная интонация.) Ах-ах-ах-ахаааа... Соринка со слезой... Видимо, не соринка... А брёвна, водопада слёз не хватит, чтобы они вышли... (Пауза. Анита отчётливо выговаривает каждое слово, как будто боится эмоционально присоединится к событию.) В тот день муж обещал мне привезти нашего мальчика... из интерната... на пляж... чтобы я смогла побыть с ним на солнце и поплавать с помощью круга... Но я сразу поняла, что этого не будет... И когда я спросила, могу ли я сама привезти его на пляж и забрать его из психоневрологического интерната на время, если он сам не готов это сделать, муж мне ответил со злобой: «Зачем ты таскаешь за собой этот круг, твоему уроду он не понадобится... Я запретил персоналу его показывать тебе... Его не привезут, можешь не ждать...»

Он сказал о сыне – урод. И мне вдруг стало это не просто больно. Стало смертельно больно.

...Но ведь это правда! Я не хочу посвящать свою жизнь временно живому бесполезному существу... Это правдааа... Нет у меня никакого чувства вины, – засмеялась она, – нет! Я была благодарна за эти слова, это освобождало меня от самостоятельного принятия решения сдать сына в ПНИ. Я не хочу до сих пор и тогда, я не готова быть приговорённой к такой жизни с калекой... Я просто хочу жить как раньше...

как раньше... в любви!

Анита говорила спокойно, уверенно, как будто читала главу из детской книжки тяжелобольному ребёнку, зная, что он не услышит и не поймёт ни одного слова. Но она проговаривала очень важные слова для самой себя, которые помогали ей выжить и оправдаться, она не осуждала себя, наоборот, чувствовала себя жертвой несправедливого мира...

И, как я хотел, она больше не спросила, откуда я узнал всю эту историю.

Я мысленно внушал ей это. Я сделал всё по своему сценарию, я бросил зёрна,

которые взойдут. Немного времени... Трансовые состояния меняют сознание, а механизмы психики играют те роли, которые я им задаю...

АНИТА: Я пойду к себе в палату, я хочу спать.

Как хорошо, что вы всё знаете. (Вызывающе.) Как же я давно хотела это высказать! А то ломали бы себе голову... что со мной... а так... Я решила за вас много проблем с ходом лечения... Я в порядке, я хочу уйти из клиники.

Я оставляю вам этот рисунок... Мне он не нужен, – сказала она, прикусив опять нижнюю губу так, что выступили капельки крови.

МАРК: Анита, до завтра. Обсудим всё завтра.

Напиши в задании все те чувства, которые ты испытала сегодня. Я был вновь погружён в воображение, я видел... Ребёнок был лишь с лицевым уродством... Психика была сохранна... Я видел... я знал... я видел... Он улыбался мне... Он БЫЛ!

АНИТА: До завтра. Мне есть о чём поразмышлять...
Я в порядке. Я в полном порядке.
И с чувствами тоже – порядок.

Анита ушла, я остался в кабинете ждать следующую пациентку, которая зачитает мне своё выполненное задание.
И мы тоже пойдём с ней вместе по душевным тропам.
Я взял рисунок, посмотрел на этого мальчика и произнёс вслух: «Тебя не надо. А ты есть. Будь. Будь. Будь...»

...В начале было слово...

А пока кофе и вновь хорошо темперированный клавир.
(НАЧИНАЕТ ЗВУЧАТЬ МУЗЫКА ХТК.)

У меня есть полчаса.

Катарсис у пациентов – вот, что манит меня...

Ах, как они по-разному приходят к истине... Как по-разному меняют свои мысли, убеждения, установки...

Надо только найти этот набор цифр, телефонного номера, который дойдёт до абонента...

Надо найти дизайн жизни для каждого человека.
Его дизайн. Дизайн его судьбы и поступков.

Внезапно тревога охватила меня, я понимал, что в этом сеансе с Анитой было что-то необъяснимое... Вдруг за спиной я как бы почувствовал, именно почувствовал, а не услышал, чьё-то тяжёлое дыхание... Я опять пересёк эту таинственную границу воображения...

Воздух стал тёмным, как будто закрыли окно светоотражающими шторами, мне стало тревожно и тесно, опять Клара? При чём здесь Клара?

Дыхание учащалось... Волнение моё достигло своего пика... Я стал дышать синхронно с чьим-то дыханием за спиной... Как синхронное плавание: вдох-выдох-вдох-выдох... Глубокий выдох... В глубь, в глубь воды... Держу дыхание...

Детский голос, лет 5. Марк

– Мама, ты уходишь?

– Конечно, ухожу, от такого сына, с червоточиной...

– А что такое червоточина, мама?

– Что это такое? Это когда мальчик подпорченный, некачественный, хахахахахаааа, как ты... и как твой мерзкий родитель... Личинка ты червяка...

– Мама... Мама... Не уходи, там гром и страшные лучи до земли, и мне страшно... Мне страшно... Спрячь меня,

мама...

– Тихо-рот! Иди рисуй или спи... не ползай под ногами... хммм... правда... как червяк... Твоя мама – не только твоя мама, она ещё и красавица, которая хочет, чтобы её любили мужчины, а не только ты, противная скользкая личинка... А твой папочка ушёл от меня... А тебя бросил, как вшивого щенка, за дверь... Надо тебе сдать в интернат... Ааах-ххаааа... Ты понял? Ты должен это понимать и всегда защищать свою маму, запомни это, если она что-то делает, даже если тебе это не нравится, понял? Ты мне должен... всю свою жизнь, и не смей мешать мне жить, как девчонка скулишь! А то отвезу тебя... в интернат.

Дверь хлопнула, уходящие шаги и громкий крик мальчика «Мамааааааааааааааааа...» Этот мальчик – Марк.

Тут же начал звучать мягкий голос Клары на приёме у Марка.

– Я тоже боюсь, как и мой сын, когда начинается гроза. Именно когда начинается. Я уверена, что стихия неуправляема и она может испугать моего сына, которого я люблю больше жизни... И ещё я боюсь, что в грозу он может умереть... И он всегда так цепляется мне за ноги и кричит: «Мамочка! Обними меня! Обними меня!»

Он маленький, ему 4 года... Я обнимаю его, и мы вместе ждём, когда гроза кончится... Мы как одно целое, и нам не

Я усыновлю этого ребёнка... Я пройду с ним свой жизненный путь... Я докажу своей матери, что ЛЮБОВЬ... ЛЮБОВЬ РЯДОМ, И ОНА ИЗМЕНИТ МИР...

Я заберу Лёвушку... Я буду любить его, я чувствую потребность дать ему шанс... Он мне нужен... нужен... Для меня он здоров, это состояние временно... Мы пройдем этот путь вместе... Его надо, и он есть!

МАМА! Я так много делал все эти годы, чтобы оправдать тебя, простить... Простить тебя, что ты была свободна от меня, от любви к своему детёнышу... А сегодня я осознал, я понял, что я просто должен дать шанс... шанс себе в своей идентификации любимого сына... Поверь! Я буду любить его так, как я хотел, чтобы ты любила меня. Я всегда хотел только одного... Чтобы меня любили...

Марк, сидел в большом кожаном кресле, запрокинув голову, утопая в звуках музыки Иоганна Себастьяна Баха... Марк предпочитал фортепианную версию исполнения, не органную. Он растворялся в этой музыке, напоминающей ему разговор с Богом, в этой музыке он слышал то, что давало ему ресурсы поддерживать себя, поддерживать людей и давать им новую жизнь... даже не новую... другую...

Марк усыновил Лёвушку.

Лёвушка стал художником.

Его так и называли: Непревзойдённый Циклоп. Он рисовал божественно.

Лёвушка, будучи уже взрослым человеком, спросил у Марка: «Скажи, кто была моя мать... Почему ты не живёшь с ней? Почему я остался с тобой, а не с ней? Я могу наконец спросить у тебя об этом?»

Марк не сказал то, что знал только он и Анита...

Он лишь молча дал ему нарисованный Анитой портрет и адрес, где ещё в те времена жила Анита. Марк видел в своем воображении, что её адрес остался прежним... и та яблоня с брошенным спасательным кругом ещё цветёт весной, но плоды уже не даёт. После некоторых раздумий Лев приехал к своей матери. Анита, которая так и не смогла прожить свою жизнь как ей хотелось, увидев Лёвушку, холодно посмотрела ему в лицо... не выразила никаких эмоций, но встала на колени и произнесла, закрыв глаза ладонями: «На рисунке ты был лучше... Тебя не было со мной, а ты всё равно разрушил мою жизнь... Тебя не надо, а ты есть... Тебя не надо, а ты есть! Я хотела лишь одного, лишь одного – чтобы меня любили...» Пятясь назад на коленях, она переместилась в дом и резко закрыла дверь.

Мы все хотим лишь одного, чтобы нас любили...

Лишь одного... Мы хотим, чтобы нас любили...

Конец.